
Научная статья

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЦИКЛА О КАНШОБИ И ГОШАГАГ

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© Л.А. Гутова, 2025

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой идентификации некоторых циклов адыгского фольклора, которые традиционно принято относить к историко-героическому эпосу. На примере анализа широко распространенной песни и сказания о княгине Гошагаг и ее муже Каншоби. Это один из наиболее популярных циклов, ареалом бытования которого является фактически вся территория исторического обитания адыгов (черкесов) на Кавказе; количество вариантов, зафиксированных за всю историю изучения и собирания адыгского фольклора превышает 80 единиц. Предлагается рассматривать проблему комплексно, с учетом структурных особенностей цикла – тематики, характера исполнения, особенностей естественного бытования, поэтического языка и стиля, а также предметного мира, отражаемого в песне и сопровождающем ее сказании. Признается достойным внимания также отношение к действительности и ее отражение в поэтическом тексте. Однозначное отнесение рассматриваемого цикла к одному из жанров, исключающее другие суждения, оказывается практически невозможным, поскольку два основных принципа определения, форма бытования и идейно-тематическая основа цикла оказываются полярными. Основной метод исследования – историко-сравнительный с использованием в его рамках приемов статистического, структурального и других методологических направлений.

Ключевые слова: Цикл, жанр, ареал, тема, историко-героический эпос, лирика, сказание, песня

Для цитирования: Гутова Л.А. К определению жанровой принадлежности цикла о Каншоби и Гошагаг // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 146–153. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

Original article

TO THE DETERMINATION OF GENRE AFFILIATION OF THE CYCLE ABOUT KANSHOBI AND GOSHAGAG

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© L.A. Gutova, 2025

Abstract. The article is devoted to the problem of genre identification of some cycles of the Adyghe folklore, which are traditionally accepted to be referred to as the historical-heroic epic. On the example of the analysis of the widespread song and the tale about Princess Goshagag and her husband Kanshobi. This is one of the most popular cycles, whose area of existence is virtually the entire territory of the historical habitation of the Adyghe (Circassians) in the Caucasus; the number of variants recorded throughout the history of the study and collection of Adyghe folklore exceeds 80 units. It is proposed to consider the problem comprehensively, taking into account the structural features of the cycle, such as its theme, performance style, natural existence, poetic language and style, as well as the subject world reflected in the song and the accompanying tale. It is also recognized that the relationship to reality and its reflection in the poetic text are worthy of attention. It is practically impossible to unambiguously assign the cycle under consideration to one of the genres, excluding other judgments, as the two main principles of definition, the form of existence, and the ideological and thematic basis of the cycle, are polar. The main research method is historical and comparative, using statistical, structural, and other methodological approaches.

Keywords: Cycle, genre, area, theme, historical and heroic epic, lyrics, tale, song

For citation: Gutova L.A. On the Genre Classification of the Cycle about Kanshobi and Goshagag. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 146–153. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-146-153

В песенном фольклоре адыгов выделяется серия произведений, которые традиционно принято с некоторыми оговорками относить к жанру историко-героического эпоса. Руководствуются при этом особенностями бытования и рядом других формальных признаков. В плане же содержательно-тематическом они не всегда соответствуют данной категории. Чаще всего это могут быть песни лирического содержания с сопровождающими их преданиями, соответственно «негероическими» по своей основной атрибутике. Их главной отличительной чертой является доминирование признаков личностного плана в тексте песни, а также обилие бытовых подробностей в событийной канве сказания. Это явление в традиционной культуре этноса из числа мало изученных. Ряд наиболее популярных циклов подобного характера освещен весьма основательно в статьях З.М. Налоева «Женщины – творцы великих песен» [Налоев 1978: 61–81] и «Очистительная песня в адыгском фольклоре» [Там же: 82–99]. В них впервые в адыгской фольклористике дается краткий и вместе с тем довольно исчерпывающий анализ тематики и поэтических особенностей рассматриваемых песен и тех сказаний, которые их сопровождают в полном соответствии с канонами поэтики адыгского младшего эпоса. Однако надо заметить, что исследователь ставил перед собой задачу лишь дать общую характеристику явления, не вдаваясь в многочисленные детали, в частности, во все тонкости определения жанра рассматриваемых произведений. Между тем, считаем своевременным внести больше ясности в вопрос жанровой идентификации песен и сказаний названной серии. Цель настоящей работы – рассмотреть один из эпических (а вернее – лирико-эпических) циклов и на примере его анализа отметить наиболее важные родовые особенности данной категории народных песен и сказаний, а вместе с этим попытаться установить правомерность или ошибочность традиционно принятой практики идентификации. Для изучения проблемы мы избрали один из самых популярных циклов, предание и песню о княгине Гошагаг и ее муже Каншоби. Это – произведение, пользующееся широкой популярностью и в адыгском фольклоре, и в народной поэтической традиции карачаевцев и балкарцев.

Для фольклора народов Кавказа разноязычное бытование произведений на одну и ту же тему явление не столь уж редкое, так как оно всегда бывает мотивировано особенностями историко-культурного взаимодействия на протяжении многих столетий. В данном случае обусловленность мотивируется тем, что произведение имеет реальную событийную основу, и в ней очевидны признаки тесного взаимодействия между разными и тесно соседствующими этническими

группами. Как установлено с высоким уровнем достоверности, один из центральных персонажей, Каншоби, является по происхождению карачаевцем, а его супруга, княгиня Гошагаг, от имени которой сложена песня, кабардинкой или же адыгоязычной абазинкой [Асанов 1996]. Тексты и песни, и сопровождающего ее предания записывались многократно как на адыгских языках, так и на карачаево-балкарском. В частности, впервые более полные варианты адыгской версии были напечатаны в переводе на русский язык в издании «Кабардинский фольклор» в 1936 г. [Кабардинский... 1936: 445–449]. Позднее песня вместе с текстом предания или без него печаталась на кабардино-черкесском языке неоднократно в изданиях научно-популярного и академического характера. Одна из наиболее значительных публикаций предания на языке оригинала осуществлена М.И. Мижаевым [Адыгэ хъыбархэр 1986: 297–310]. Рукописные адыгские материалы сконцентрированы в подавляющем своем большинстве в папке № 32-е Фольклорного фонда Архива ИГИ КБН РАН; в ней представлена 31 запись, в том числе 10 – это полные циклы (т.е. записи песни с сопровождающим ее преданием), остальные это варианты или только песни, или же только предания. В Фонотеке ИГИ КБНЦ РАН нами установлено 52 записи, среди них около 14 можно отнести к разряду полных циклов, остальные же – или только песня, или предание. Таким образом, число всех имеющихся записей превышает 80, причем эти цифры нельзя считать окончательными, т.к. нам, к сожалению, не удалось учесть все материалы, хранящиеся в персональных фондах отдельных собирателей, а также некоторые отдельные публикации. География распространения песни и сказания охватывает фактически всю территорию исторического расселения адыгов (черкесов) от восточных районов (нынешняя Кабардино-Балкария) до западных, где издревле проживают носители диалектов современного адыгейского языка. Наибольшей популярностью цикл пользуется все же в Кабарде, о чем можно судить с уверенностью по сопроводительным сведениям к записям. Однако примечательно, что о нем под названием «Песня о Кансаве», упоминал еще в 30–40-е годы XIX в. Султан Хан-Гирей, выходец из Западной Черкесии и потому в своих трудах более всего опиравшийся на материалы, почерпнутые от информантов из этого края [Хан-Гирей 1974: 134].

Достоин внимания то обстоятельство, что при относительно широком ареале распространения песни и сказания все зафиксированные варианты совпадают в основных своих опорных моментах.

Так, сходным образом характеризуется событийная основа возникновения всего цикла. Как гласит предание, Гошагаг является верной любящей женой знатного наездника Каншоби, но их счастливую жизнь нарушает коварная болезнь: муж заражается таким недугом, что никто не берется его лечить, поэтому герой вынужден покинуть свой край в поисках лекаря, способного избавить его от обрушившейся на него напасти. Излечить его берется на чужбине (чаще всего называется Дагестан) некая женщина, которая ставит ему условием, что он останется навсегда с ней. Вынужденный принять это условие, Каншоби все же так сильно тоскует по своей любимой жене и семье, что женщина отпускает его на время. Однако она берет с него слово, что он непременно вернется к ней. По истечении времени Каншоби все-таки решает остаться со своей женой и детьми, однако болезнь возвращается, и поэтому он вынужден вновь покинуть свою родину, и теперь уже навсегда. В тоске по любимому мужу Гошагаг слагает песню-сетование, в которой изливает свои переживания и выражает преданность и верность своему мужу.

Сюжет осложняется инкорпорацией универсального мотива, известного как «злая сестра». Младшая сестра героини влюбляется в Каншоби и сначала пытается соблазнить его. Но, не добившись желаемого, она, оскорбленная отказом, из мести насылает на него страшный недуг, подобие проказы, уродующий внешность человека. Есть основание полагать, что появление злокозненной сестры – явление, имеющее истоки в мировом арсенале фольклорных стереотипов. Здесь

данный универсальный мотив довольно удачно вписывается в сюжет сказания, привнося в него дополнительную интригу и делая сюжетные мотивировки более увлекательными.

Важно заметить, что основная событийная основа цикла не имеет прямого отношения к героике как таковой. В ней доминируют сугубо бытовые мотивы – верность жены своему мужу, отвечающему ей взаимностью, коварство разлучницы, ослепленной чувством мести или озлобления, болезнь мужа и неизбежность его разлуки со своей семьей. Характерно, однако, что в структурном плане цикл построен в полном соответствии с канонами поэтики историко-героического эпоса: способ циклообразования (песня и сопровождающее ее прозаическое сказание), характер исполнения песни отдельные детали предметного мира.

Что касается формы бытования, песня исполняется *a capella* солистом-мужчиной в сопровождении мужского хора, партия которого сводится к музыкальному интонированию основной мелодии без семантически однозначных слов. В ней развернутый сюжет не обязателен, и поэтому, как и в подлинно «героических» песнях, солист не столько последовательно излагает события, сколько свободно рассуждает о них, их причинах и возможных последствиях, предается лирической медитации. И если в подлинно героико-эпических песнях есть место истинно воинской атрибутике, то в данном случае она, по традиции еще присутствующая фрагментами, все же уступает доминирующие позиции мотивам чувственного восприятия, переживаниям о возлюбленном, который покинул свою прекрасную и преданную супругу. Здесь уже, как оказывается, не столь важно то, что Каншоби славный наездник, способный на воинские подвиги, насколько важны переживания героев, эмоциональные оценки и формы их выражения. Это перестраивает всю традиционную систему эпического мира, в котором господствуют понятия о мужестве, героизме, самоотверженности в борьбе с врагом, рядом с ними уверенно занимают место мотивы верности жены своему мужу, тоски и сетований на судьбу. Предметная атрибутика не изобилует упоминаниями оружия, снаряжения, боевого коня с его бесспорными достоинствами и т.п. Вместо этого поэтическими средствами выделяются белые руки женщины, длинные до пят косы, аксессуары женского обихода, фрагменты пейзажа, символически указывающие на глубину душевных переживаний героини. В песне-сетовании еще сохраняются представления о подлинном герое, который в одиночку угоняет табуны лошадей, бесстрашно разъезжает один без сопровождения. Таковы же упоминания о мощи той крепости, в которой тоскует героиня. Однако на первом месте оказываются не они, вперед уверенно выдвигается такая атрибутика, которая далека от воинского быта. Внимание певца сконцентрировано на переживаниях женщины с трагической судьбой, ставшей жертвой жестокого коварства, потерявшей любимого человека. Отсюда меняется и ракурс видения объективного мира: мотивы героического подвига, безумной славы, самопожертвования ради блага общества отодвигаются на второй план, вперед выходят проблемы отражения душевного состояния обычного человека, интересы духовно богатой личности, глубина переживаний личной беды, личной утраты. Иными словами, в данном случае налицо картина, которую В.М. Гацак охарактеризовал как «...переход от героического масштаба изображения к более простому и реалистическому, усиление в ней лирического начала» [Гацак 1967: 16]. Но в нашем случае важно учитывать еще одно обстоятельство, которое тонко подметил в русском фольклоре Ф.М. Селиванов: «Многие же исторические песни внешне оформлялись то как былины, то как плачи, то как лирические песни, испытывали они влияние духовных стихов, легенд, преданий...» [Селиванов 1973: 66–67]. Это важно заметить, так как и в адыгском фольклоре наблюдается явление, близкое к указанному: цикл формируется в соответствии с утвердившимися в устном обиходе стандартами жанра героико-исторического эпоса, хотя по своему содержанию он так далеко отошел от мотивов героики, что от них порою остаются только отдельные фрагменты.

Все доступные нам варианты записей предания свидетельствуют о том, что центром внимания исполнителей является отнюдь не воинский подвиг, а отношения между любящими супругами. Признаки эпического мышления еще остаются в масштабности мышления, социальной значимости образов, тональности исполнения. Однако о подлинных воинских подвигах славного наездника Каншоби (каковым он характеризуется словесно) или не упоминается совсем, или же говорится скороговоркой. В труде С. Хан-Гирея вскользь отмечается о том, что Каншоби, возможно, принимал участие в штурме какой-то крепости, однако это отнюдь не сопровождается описанием ни самого похода, ни воинских подвигов [Хан-Гирей 1974: 134]. Из всех «стандартов», характерных для эпоса в вариантах сказания можно назвать только отдельные фрагменты, наподобие мотива похищения героем своей возлюбленной. Хотя и этот эпизод не влечет за собой последствий конфликтного характера. Зато детали, свойственные повествованиям любовно-романтического плана, в предании о Каншоби и Гошагаг выдвигаются на центральное место. Герой влюбляется в героиню, намеревается ее похитить и для достижения своей цели устраивается на службу к ее отцу. Со временем он добивается ее расположения и благополучно ее похищает. Однако и здесь обходится без конфликтов и поединков. История не столько героическая или «наездническая», сколько любовно-романтическая.

Содержание песенного компонента цикла в целом соответствует основной канве предания, о чем можно судить по лексике поэтического текста. В просмотренных нами вариантах песни мы обнаружили хоть какое-то упоминание о героике или наездничестве только в ее инициальной части. Это, как правило, зачинная формула с некоторыми разночтениями:

Песню Гошагаг запеваем:

Кто подпеть не умеет,
Тот отменный лентяй...

Коль табун угоняют,

Кто гнать не горазд,

Разве доли достоин?

[Кабардинский фольклор: 440]

Текст дан в русском переводе В.А. Дынник

Гуашэгъагъым и уэрэдыр кышыхэддзэкIэ

Емыжыуфыр хуэмышуц,

Шы кышыхукIэ кьадемыуэфыр

Иыхьэншэ ирехьу...

[Къэбэрдей... 1948: 60]

Когда мы запеваем песню Гошагаг,

Кто ей не подпевает, тот <наездник> недостойный,

Кто не подгоняет, когда гонят лошадей,

Тот доли добычи не достоин... (Перевод наш – Л.Г.)

Мы зекIуэлIымырэ мы зекIуэшыжымырэ

Езыгъэзшыр ... си уэрэдкъэ.

Гуашэгъагъымэ сэ си уэрэдыжыыр

КышчырагъажьэкIэ, фэ фежьу.

[Адыгэ уэрэдыжыхэр 1979: 96]

Этого наездника и этого боевого коня могучего

Что утомляет, это моя песня...

Когда мою, Гошагаг песню старинную
Запевают, вы подпевайте... (Перевод наш – Л.Г.)

В данном случае суть не только в том, что наездничество упоминается, а заодно певец призывает подпевать. В систему воспитания сословия князей и уорков, которые и были преимущественно воинами-наездниками, входило обязательно обучение наряду с воинским искусством также красноречию, песнетворчеству и умению петь. Если человек не умел петь или хотя бы подпевать в составе хора, это приравнивалось к тому, что он недостойный, трусливый, непутевый. Это стало смысловой основой для возникновения параллельной конструкции: *не умеющий подпевать – не смеющий погонять коней при уgone*.

В большинстве вариантов данный мотив занимает от двух до четырех поэтических стихов, в то время как сама песня составляется не менее, чем из 30 строк. Все остальные преимущественно содержат лирические медитации от имени княгини Гошагаг. Приведем ряд наиболее устойчивых в песенных текстах характерных слов и словесных конструкций, посредством которых выражаются душевное состояние лирической героини, ее тоска по любимому, мучительное томление в пустой крепости: *светлого шелка волосы, ниспадающие до пят, из орехового дерева котурны* (аксесуар женщин высокого социального статуса), *белая шея, белые руки-белые ноги, морская голубка(чайка), червонного золота дверь опочивальни, белоснежные постели, пешеходная тропа и застывший на ней взгляд, одинокая дорога, по которой ушел любимый муж, студеной вода родника, вьющиеся светло-золотые локоны, золотистые волосы, ниспадающие до самых пят*. Все приведенные фрагменты песни входят в поэтический текст песни как приемы создания поэтического образа, а в совокупности – своей призваны передать состояние женщины, которую постигло огромное несчастье.

Приведенные примеры даже вне поэтического контекста способны дать представление о том, что лейтмотивом песни является отнюдь не героика или воинская удаля, а глубокие лирические переживания. Между тем мотивы героического плана не исчезают, они диктуют форму исполнения, воссоздают дух той эпохи в которую происходили события, типичные для средневекового общества с его суровыми этикетными установлениями и преимущественно воинским укладом жизни. Тенденция поэтической культуры к возрастанию лирико-романических элементов совершенно очевидна как в рассматриваемом предании и сопутствующей ему песне, так и в других циклах аналогичного характера. Дальнейшая эволюция народного словесного и музыкального искусства должна была привести и действительно привела к кардинальным изменениям в области структуры песенного текста, в области поэтического языка и характера исполнения. Этот процесс окончательно завершился выделением народной лирики как полноправного жанрового образования в системе адыгского фольклора.

Что же касается жанровой идентификации песен и преданий рассмотренного нами характера, мы считаем, что однозначного решения здесь не может быть, так как налицо их медиальное положение, когда традиционная форма бытования диктует отнесение их к одной категории, а содержание – к иной. Поэтому установление их жанровой принадлежности целесообразно решать исходя из конкретных обстоятельств, определяя «переходное» положение между двумя этапами эволюции народной культуры как явления целостного.

Список источников и литературы

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжьхэр*. Зэх. Къардэнгъуш I З. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 (Адыгские народные песни. Сост. З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1979. 224 с.). (На кабард.-черк. яз)

Адыгэ хыбархэр 1986 – *Адыгэ хыбархэр*. Зэхэзыльхэр Мыжей М.И. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Черкес отделенэ. 1986. Н. 360. (Адыгские (черкесские) народные предания. Сост. М.И. Мижаева. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение ставропольского книжного издательства. 1986. 360 с.). (На кабард.-черк. яз.)

Асанов 1996 – *Асанов Ю.Н.* Песня-поэма «Каншаубий» или «Плач княгини Гошayah». Историко-сравнительный анализ карачаево-балкарских и адыгских вариантов. Нальчик: Эль-фа, 1996. 127 с.

Гацак 1967 – *Гацак В.М.* Восточнороманский героический эпос. М.: Наука, 1967. 472 с.

Кабардинский фольклор 1936 – *Кабардинский фольклор*. Под ред. Г.И. Бройдо. М.: Academia, 1936. 636 с.

Къэбэрдей... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжхэмрэ*. Зэх. Шортэн А. сымэш. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапIэ, 1948. Н. 194. (Кабардинские песни и пословицы. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1948. 194 с.). (На каб.-черк. яз.)

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.

Селиванов 1973 – *Селиванов Ф.М.* О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. 304 с. С. 52–67.

Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей Султан*. Черкесские предания. // Хан-Гирей. Избранные произведения. Подготовка текста Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 55–171.

References

Adige ueredizhkker. Zekh. KardengushchI Z. Nalshik: Elbrus, 1979. N. 224 (Adigskie narodnie pesni. Sost. Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 s.). Na kabard.-cherk. Yaz [The Adyghe folk songs. Comp. Z. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 p.]. (In Kabardian- Circassian)

Adige khibarkher. Zekhezilkhaz Mizhei M.I. Cherkessk: Stavropol tkhil tedzaple. Kereshei-Cherkes otodelene. 1986. N. 360. (Adigskie (cherkesskie) narodnie predaniya. Sost. M.I. Mizhaeva. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otделение stavropolskogo knizhnogo izdatelstva. 1986. 360 s.). Na kabard.-cherk. yaz. [Adyghe (Circassian) folk legends. M. Compiled by M. Myzhayev. Cherkessk Prize winner: Stavropol Book Publishing House. Karachay-Cherkess branch. 1986. 360 p.]. (In Kabardian-Cherkessian)

ASANOV Yu.N. *Pesnya-poema «Kanshaubii» ili «Plach knyagini Goshayakh»*. *Istoriko-sravnitel'nii analiz karachaevo-balkarskikh i adigskikh variantov*. Nalchik: El-fa, 1996. 127 s. [The song-poem “Kanshaubiy” or “The Lament of Princess Goshayakh”. Historical and comparative analysis of Karachay-Balkarian and Adyghe variants. Nalchik: El-fa, 1996. p. 127]. (In Russian)

GATSAC V.M. *Vostochnoromanskii geroicheskii epos*. M.: Nauka, 1967. 472 s. [East Roman heroic epic. Moscow: Nauka, 1967. p. 472] (In Russian)

Kabardinskii folklor. Pod red. G.I. Broido. M.: Academia, 1936. 636 s. [Kabardian folklore. Under the general editorship of Broido Moscow: Academia, 1936. 636 p.]. (In Russian)

Keberdei ueredkhemre psalezhkhemre. Zekh. Shorten A. simeshch. Nalshik: Keberdei keral tkhil tedzaple, 1948. N. 194. (Kabardinskie pesni i poslovitsi. Nalchik: Kabardinskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatelstvo, 1948. 194 s.). Na kab.-cherk. yaz. [Kabardian songs and proverbs. Nalchik: Kabardian State Book Publishing House, 1948. 194 p.]. (In Kaabardian- Cherkessian)

NALOEV Z.M. *Iz istorii kulturi adigov*. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 s. [From the History of the Adyghe Culture. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 p.]. (In Russian)

SELIVANOV F.M. O spetsifike istoricheskoi pesni // Spetsifika folklornikh zhanrov. M.: Nauka, 1973. 304 s. S. 52–67. [On the Specificity of Historical Songs. // Specificity of Folklore Genres. Moscow: Nauka, 1973. 304 p. Pp. 52–67]. (In Russian)

KHAN-GIREY SULTAN. *Sultan. Cherkesskie predaniya* // Khan-Girei. Izbrannie proizvedeniya. Podgotovka teksta R.Kh. Khashkhozhevoi. Nalchik: Elbrus, 1974. S. 55–171. [Circassian Legends. // Khan-Girey. Selected Works. Text prepared by R.Kh. Khashkhozheva. Nalchik: Elbrus, 1974. Pp. 55–171]. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.